

Святой страстотерпец, благоверный князь Угличский, царевич Димитрий, Московский и всея России Чудотворец¹⁾.

Но видимому, достижение преступной цели являлось делом не трудным: съ утра до вечера злоумышленники могли быть у царницы, занимаясь ея домашними делами, надзираая надъ ея слугами и надъ ея столомъ: мамка царевича, Волохова, съ сыномъ помогали имъ совѣтомъ и деломъ. Однако дело пошло не такъ легко и скоро. Убийцы злobiliсь, не зная, какъ приступить къ злодѣйству. Не видя наконецъ возможности совершить его втайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ не только ихъ не выдастъ, но и защититъ и оправдастъ. Стоворившись о своемъ злодѣяніи, они придумали и условились бѣду сложить на падучую болѣзнь царевича, о которой сами распространили слухъ: назначили день и выждали минуту для совершения своего ужаснаго предпріятія²⁾, которое произошло слѣдующимъ образомъ, какъ это видно изъ сказанія лѣтописей, повѣсти объ убіеніи царевича Димитрія и изъ слѣдственнаго дѣла.

Наступило 15 Мая 1591 года, день субботній на шестой недѣлѣ по Пасхѣ, какъ сообщаетъ Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій; въ княжескихъ палатахъ утро было встрѣчено не совсемъ весело: «царевичъ поутру всталъ дряхлый съ постели своей и глава у него, государя, царевича съ плечъ катилась»³⁾. Это обстоятельство не измѣнило однакоже

¹⁾ Продолженіе. См. Октябрь 1911 г., стр. 345—363.

²⁾ Ibid., стр. 17 и Лѣт о мног. мят. стр. 17—20.

³⁾ Повѣсть объ убіеніи царевича Димитрія, изданная А. Ф. Бычковымъ въ Чт. Ист. и Др. Россіи 1864 кв. IV. Почтенный издатель говоритъ, что

обычнаго образа жизни дворцовой. „Въ четвертомъ часу дни (по пашему въ 10 часовъ утра ¹⁾) царевичъ съ матерью пошелъ къ обѣднѣ“ къ Спасо-Преображенію, куда они ходили ежедневно. Обычная будничная литургія отмѣтилась на этотъ разъ тою особенностью, что послѣ Евангелія царевичъ у старцевъ Кириллова монастыря образы принималъ. По окончаніи церковной службы царевичъ пришелъ къ себѣ во дворецъ „и платейно перемѣнилъ, и въ ту пору съ кушачивымъ взошли и скатерть послали, и Богородичень хлѣбецъ свѣщенникъ вынулъ. А обычай у него, государя, царевича былъ таковъ: по вся дни причащалея хлѣбу Богородичну. И послѣ того похотѣлъ испити, и ему государю поднесли испити“.²⁾ Царица отдавала распоряженія относительно обѣда, къ которому пришелъ Андрей Александровичъ Нагой, а Михаилъ и Григорій Ѳеодоровичи Нагие находились на своихъ подворьяхъ; слуги царицы припасали купанія къ столу. Въ это время мамка царевича боярыня Василиса Волохова, бывшая въ заговорѣ, позвала царевича погулять и поиграть съ ожидавшими будто-бы его городскими ребятами. Царица отпустила сына и даже хотѣла сама идти съ нимъ. Въ это время кормилица Ирина Жданова-Тучкова удерживала царевича и стала уговаривать мамку не водить ребенка безъ царицы. Но мамка, не слушая кормилицы, настояла и повела царевича изъ комнаты въ сѣни и на лѣстницу. По показаніямъ „слѣдственнаго дѣла“, кромѣ кормилицы, царевича сопровождали еще мамка и постельница Марія Колобова. Съ лѣстницы всѣ спустились на нижнее крыльцо, которое вело на княжескій задній дворъ. Здѣсь на стрѣлкѣ

свѣдѣнія заключающіяся въ повѣсти, показываютъ, что она составлена современникомъ, бывшимъ близкимъ ко двору царевича или имѣвшимъ анакетство съ лицами, къ нему принадлежащими. Подробности о томъ, какъ царевичъ провелъ день, въ который совершилось убійство, служатъ очевиднымъ къ тому доказательствомъ, а самый разсказъ объ этомъ происшествіи носитъ на себѣ печать достовѣрности. Вообще въ цѣлой повѣсти не встрѣчается ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ея достовѣрность.

¹⁾ Въ древней Руси счетъ времени ввели согласно церковному уставу, сутки считая отъ заката солнечнаго до заката другого дня, а не съ полночи, какъ мы считаемъ; у насъ 7 часовъ утра, а по церковному уставу 2 часа дня.

²⁾ Повѣсть о убіеніи царевича Димитрія, изд. Вычковымъ.

Волги, или на береговомъ углу, образуемомъ Волгою и Каменскимъ ручьемъ, было любимое мѣсто гулянья, дѣтскихъ игръ и забавъ царевича съ товарищами-дѣтьми. Какъ много времени длилась эта прогулка, можно судить объ этомъ хотя и предположительно, но довольно опредѣленно. Если предположить, что обѣдня и завтракъ царевича длились не болѣе двухъ часовъ, то окажется, что царевичъ вышелъ на прогулку въ 11 часу, но на этотъ моментъ падаетъ и окончаніе его прогулки: лица, упоминаемыя въ слѣдственномъ дѣлѣ объ убіеніи царевича Дмитрія, всѣ единогласно показываютъ, что въ городѣ у Спаса начали звонить „въ шестомъ часу дни въ исходѣ“¹⁾, слѣдовательно, царевичъ только началъ прогулку по двору и во всякомъ случаѣ былъ на дворѣ лишь нѣсколько минутъ, не болѣе четверти часа. На дворѣ уже поджидали царевича убійцы: Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій и Никита Качаловъ. Когда царевичъ, какъ говорится въ одномъ сказаніи, поровнялся съ дворцовой Константино-Еленовскою церковью, сынъ мамки, Осипъ Волоховъ, подошелъ къ нему и, взявъ его за руку, спросилъ его: „это у тебя, государь, новое ожерелье?“ Ребенокъ, довѣрчиво поднявши голову, чтобы дать лучше разсмотрѣть ожерелье, отвѣтилъ: „нѣтъ, старое“. Въ рукахъ убійцы сверкнулъ ножъ, но ударъ оказался невѣренъ, пораженъ была лишь шея, а гортань осталась цѣла. Злодѣй пустился бѣжать: царевичъ упалъ. Кормилица прикрыла его собой и стала кричать. Данило Битяговскій и Качаловъ нѣсколькими ударами ошеломили ее, оттащили отъ нее ребенка и, дорѣзавши его, бросились бѣжать съ крикомъ, будто царевичъ порѣзался самъ. Раздавшійся на мѣстѣ преступленія крикъ всполошилъ обитателей дворца: первою выбѣжала мать царевича, за нею Андрей Александровичъ Нагой, только что начавшій свой обѣдъ. И страшная картина представилась ихъ взорамъ: на рукахъ кормилицы лежалъ истекавшій кровью страдалецъ и, трупца, какъ голубь, уже кончался. Убійцы, сдѣлавъ свое дѣло,—по ска-

¹⁾ Михаилъ Нагой на допросъ сказалъ: „двядся Мая въ 15 день, въ субботу, въ шестомъ часу дни“ стр. 103; архимандритъ Воскресенскаго монастыря Феодоритъ показалъ: „и въ шестомъ часу дни послѣ обѣдни звонили у Спаса“ стр. 109. Также показалъ Игуменъ Алексѣевского монастыря. Стр. 110. и другіе.

данію повѣсти, — „стоять надъ тѣломъ государя царевича омертвѣли, аки пси безматери, противъ его государыни: матери не могли промолвити ничтоже“; но это было моментъ; и затѣмъ они немедленно скрылись; сдѣлать это было легко: рядомъ со дворомъ стояла дьячья изба; въ нее укрылись Камаловъ и Битяговскій, а Осипъ Волоховъ убѣжалъ въ домъ М. Битяговскаго; но кормилица а, можетъ быть, другія, бывшія тутъ лица сказали имена убійць. Первымъ движеніемъ со стороны царицы и Андрея Александровича было взять царевича и отнести тѣло его въ Спасо-Преображенскую церковь¹⁾; и взявъ она, государыня, тѣло сына своего Дмитрія Ивановича и отнесла въ церковь боголюбиваго Преображенія Господня²⁾. Что означаетъ это движеніе? Разбойническое, чрезвычайно наглое нападеніе убійць внушило страхъ за самое тѣло убитаго и этотъ страхъ на время превозмогъ естественный напавъ удручающаго горя и печали.

Въ эту страшную минуту вѣроятнѣйшій свидѣтель злодѣянія, сторожъ соборной Спасо-Преображенской церкви Михаилъ Дмитріевъ Кузнецовъ, случайно находившійся на колокольнѣ и отсюда видѣвшій все происшедшее, въ одно мгновеніе бросился къ первому дому, крича: „что вы видите? у царя Царевича не стало“ и ударилъ на Спасской колокольнѣ въ набатъ. Напуганный сполохомъ прибѣжалъ на княжескій дворъ дворцовой Константино-Власинской церкви пономарь изъ вдовыхъ священниковъ, Феодотъ Афанасьевъ, по прозванію Огурецъ, и, увидѣвъ убійство, бросился къ той же колокольнѣ продолжать набатный звонъ. Въ это время уже навѣщенный обо всемъ своими сообщниками, явился на мѣсто убійства и Михаилъ Битяговскій. Замѣтивъ движеніе и намѣреніе пономаря, онъ бросился за нимъ, чтобы остановить его и даже прекратить начатый набатъ, но Феодотъ уже скрылся, и дверь, ведущая на колокольню, оказалась заперта: такъ что Битяговскій напрасно въ нее домылся.

Быль обычный обѣденный часъ; кто собирался обѣдать, кто уже и началъ свой обѣдъ; раздавшійся рѣзкій и усиленный набатъ въ городѣ у Спаса мгновенно измѣнилъ настроеніе покойнагося города. „Пожаръ, пожаръ въ городѣ“.

¹⁾ Повѣсть о убіеніи царевича Дмитрія, изд. А. Э. Вычковымъ. 1881 г.

говорить каждый, бросая свой столъ и домъ и направляясь по звонцу въ Кремль, къ Спасу. Ни огня, ни дыму не было однакоже видно, а набатъ бить сильнѣе и сильнѣе, подхватываемый соседними колокольнями: звонили въ городъ и въ посадахъ. Что-же означало это смятеніе? Какъ электрическій токъ мгновенно облетѣла городъ громоносная фраза: „Царевича зарѣзали“. Кто знаетъ близкаго русскій народъ, кому приходилось слышать, какъ на примѣръ во время базара, ярмарки, деревенскаго праздника „по общаію“ среди шума-гама безпечно гуляющихъ вдругъ облетаютъ гуляющія толпы слова: „человѣка убили“, тотъ хорошо знаетъ, какое магическое дѣйствіе производятъ въ народѣ эти два слова. „Гдѣ“, и по нѣмому указанію протянутой руки толпы утихаютъ и безмолвныя слышатъ... Прерывается рѣчь, смолкаетъ разговоръ, прекращается споръ, брань: каждый въ перегонку спѣшитъ къ мѣсту происшествія. Легко при этомъ замѣтить, что рядомъ съ движеніемъ простого любопытства тутъ каждому ощущается то, что на народномъ языкѣ выражается словами: „по тѣлу пробѣжала дрожь“. Можно представить себѣ, какое смущеніе и смятеніе въ народѣ произвели эти ужасныя слова: „Царевича зарѣзали“. Изъ города, изъ посадовъ, изъ слободъ, изъ монастырей, казаки съ судовъ, стоявшихъ на Волгѣ,—всѣ, старъ и малъ безъ различія званія, спѣшили, тѣснѣлись, ѣхали въ Кремль, къ Спасу. Но вотъ цѣль достигнута: взорамъ представляется окровавленный отрокъ, убивающаяся мать, избитая окровавленная кормилица, братья царицы... „Кто, гдѣ душегубы?“, Царица объявила имена убійць, а что то сказать, что они въ „дьячьемъ избу“, и толпа осадныхъ дьячьихъ избу: убійцы заперлись въ ней и рѣшились защищаться: по это было напрасно: „казаки съ судовъ“ и чернь посадекая разнесли сѣни, вышибли двери и окна, выволокли изъ избы Никиту Качалова и Данилу Битязовскаго: „туть ихъ и побили до смерти“ 1).

М. Битязовскій, первоначально пытавшійся взойти на колокольню и остановить набатъ, подѣхалъ къ царевичеву двору, ворота котораго были открыты для него сотникомъ Кирядомъ Маховниковымъ: во дворѣ оказалась толпа посадекихъ и всякихъ другихъ людей, успѣвшая собраться къ двору по

1) Следственное дѣло стр. 5 и другія.

набату не проѣздными воротами, а чрезъ калитку; этой же калиткой воспользовался и Маховиковъ, что бы отпереть ворота для проѣзда М. Битяговскаго. Приблизившись вмѣстѣ съ Даниломъ Третьяковымъ къ дьячьей избѣ, стараяся унять, „разговорить“ расходившуюся чернь; дерзнулъ сказать заблаговременно выдуманную имъ съ Клепшниковымъ, или, можетъ быть, съ Борисомъ Годуновымъ ложь, что Царевичъ самъ умертвилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, но толпа не слушала и съ угрожающими возгласами стала нападать на нихъ самихъ, такъ что они сочли благоразумнымъ удалиться, „утекли“ на княжескій дворъ, въ хоромы, на верхъ въ покои царицы и въ „брусную избу“. Толпа поспѣшила за ними; не спасли ихъ и святость покоевъ царицы, когда сама царица ихъ покинула: изъ брусяной избы бѣглецовъ „вытащили и убили“. Оставался еще главный изъ убійцъ, зачинщикъ Осипъ Волоховъ. Совершивъ преступленіе, онъ убѣжалъ въ домъ М. Битяговскаго, вѣроятно, находившійся близъ Кремля на набережной за Каменнымъ ручьемъ. Къ этому дому направилась толпа; тамъ схватила она Осипа и привела его къ бездыханному тѣлу мученика; затѣмъ вывела его еле живого отъ побоевъ изъ церкви и на глазахъ царицы убила, а надъ трупомъ его, по показанію матери его, Василисы, — „прохалкали ¹⁾ что надъ зайцемъ“ то есть общимъ дружнымъ хохотомъ, выразили особое удовольствіе, какъ будто убили не человѣка, а зайца. „Да тутъ же“, пишутъ Угличскіе разсыльщики въ своей челобитной ²⁾ — „Михаилъ Нагой велѣлъ убить посадскихъ людей трехъ человѣкъ, Саву плотника, да каменьщика Митю Суздальца, да мужика бѣлотѣльца, да Михайловыхъ людей, Битяговскаго четверыхъ человѣкъ, да Осиповыхъ людей; Волохова двухъ человѣкъ; а велѣлъ Михайло посадскихъ людей убити за то, что они разговаривали, что бы тѣхъ людей, которыхъ нынчѣ побили, не побивали за посмѣхъ“, „безъ государскаго вѣдома“; т. е. убивали, смѣялись и хохотали, не дожидаясь суда и слѣдствія отъ государя. Злодѣи, кончаясь, облегчили свою совѣсть, какъ пишутъ лѣтописцы, искреннимъ признаніемъ, наименовавъ и главного

1) Слѣдств. дѣло стр. 107.

2) *ibid.*, стр. 118—119.

виновника смерти Царевича Бориса Годунова; мамку царевича оставили живую для важныхъ показаній; вѣроятно устрашенная казнью и сознаниемъ злодѣевъ, она также не запералась въ участіи съ ними; но прежде, чѣмъ посадить ее въ заключеніе, посадскіе люди, по показанію самой В. Волоховой,—позорили ее, „ободрали ее и простоволосу держали предъ царицей“¹⁾. Вмѣстѣ съ Осипомъ Волоховымъ въ домѣ М. Битяговскаго толпа схватила жену Битяговскаго и двухъ его дочерей и привела къ Спасу, къ тѣлу царевича. Въ этотъ моментъ прибыли изъ Алексѣевскаго монастыря игумень Савватій и архимандритъ Воскресенскаго монастыря Ѳедотъ. Въ этотъ день онъ служилъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ литургію, по случаю праздника Преподобнаго Пахомія Великаго. Архимандритъ Ѳедотъ на слѣдствіи показалъ: „Михайлову жену Битяговскаго съ двумя дочерьми привели ко Спасу и хотѣли ихъ побить и онъ, архимандритъ, и игумень ухватили Михайлову жену съ дочерьми и отняли ихъ и убити ихъ не дали, а посадскіе люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса“²⁾. „Въ довершеніе расправы надъ убійцами чернь и посадскіе люди разорили самое гнѣздо злодѣевъ—дворъ М. Битяговскаго“. А на Михайловъ дворъ Битяговскаго, пошли всѣ люди міромъ и Михайловъ дворъ разграбили и питье изъ погреба въ бочкахъ вышивъ и бочки кололи, а девять лошадей Михаила Битяговскаго, по показанію конюха Давида Михайлова, бывшаго участникомъ въ описанной расправѣ, увели на конюшню царевича; на этихъ лошадяхъ по приказанію Михаила Ѳеодоровича Нагого посошныя и посадскіе люди „въ теченіи трехъ дней выѣзжали изъ Углича, версть за пять—за шесть по двумъ дорогамъ, ведущимъ въ Москву“ для пріѣзжающихъ людей съ Москвы, и какъ бы де они на тѣхъ дорогахъ съѣхались съ людьми и имъ было тотчасъ вѣсть учинити, а какъ перестали во вторникъ ѣздити и тѣ лошади посадскіе люди взяли съ Русинюмъ Раковымъ и отвели ихъ опять на Михайловъ дворъ Битяговскаго, и тѣ лошади приказали сторожамъ стережн³⁾. По мѣстному преданію, нѣкоторые изъ сообщни-

¹⁾ *ibid*, стр. 107.

²⁾ Слѣдственное дѣло стр. 110.

³⁾ Стр. 116 и 117.

вовъ убійцъ, желая ли спастись, или же для сообщенія вѣсти, кому нужно, бросились вонъ изъ города по Московскоѣ дорожѣ, которая шла мимо Иоанно-Богословскаго монастыря (нынѣ Сухопрудская церковь) чрезъ Сухой прудъ, а затѣмъ вела къ отстоящему на 6 верстѣ Никола-Заручинскому монастырю: но пораженныя невидимою силою и ослѣпленныя ужасомъ, они достигнувъ ручья или оврага, сбились съ пути и возвращены были назадъ. Въ память этого событія ручей или оврагъ, какъ бы преградившій грѣшникамъ путь, до сихъ поръ называется *Грѣшнымъ ручьемъ*. Такимъ образомъ, никто изъ злодѣевъ и нигдѣ не успѣлъ скрыться и всѣхъ подвергнувшихся избиенію было двѣнадцать человекъ. Тѣла убитыхъ стащили и бросили въ городской ровъ. Грозилъ опасность лишиться жизни всѣмъ тѣмъ, кто велъ открытое знакомство съ Битяговскими или кого подозривали въ этомъ знакомствѣ. Многіе изъ нихъ—подьячіе и шенцы разрядной избы и нѣкоторые изъ горожанъ изъ боязни подвергнуться участи своихъ убитыхъ друзей, по ихъ словамъ, бѣжали изъ города и до пріѣзда въ Угличъ слѣдователя скрывались по дѣсамъ, окружающимъ Угличъ, не смѣя войти въ него¹⁾. Этимъ и закончилось народное смятеніе 15 Мая 1591 года, происшедшее въ городѣ Угличѣ по случаю злодѣйскаго умерщвленія Царевича Дмитрія. Такъ пресѣклась жизнь Царевича Дмитрія, а съ нею вмѣстѣ и династія Московскаго великаго князя, собирателя Русской земли, Ивана Даниловича Калиты. Всѣ замѣчательныя событія, сопровождавшія убіеніе царевича, увѣковѣчены на священныхъ изображеніяхъ, находящихся на древнихъ иконахъ, гробницахъ и стѣнахъ храмовъ Угличскихъ, посвященныхъ памяти царевича, Св. Церковью прославленнаго постѣ мученической кончины, какъ святаго страстотерпца, ибо онъ, по выраженію церковной пѣсни, своею мученическою кровью обогриль царскую діадиму²⁾, „за смилость вѣрствъ въ руки принялъ“ и „яко жертву непорочную Владыгѣ принесть себе“³⁾.

И судъ Св. церкви истиненъ и правъ: только семь лѣтъ

1) Слѣдственное дѣло, стр. 117.

2) Тропарь Св. Царевичу Дмитрію.

и семь мѣсяцевъ безъ четырехъ дней царевичъ прожилъ на землѣ, но и за это короткое время уже успѣлъ претерпѣть изгнаніе, клеветы и закончилъ земную жизнь подъ ножемъ наглыхъ злодѣевъ, дерзнувшихъ среди бѣла дня разбойнически напасть на него въ его владѣніи, завѣщанномъ ему отцомъ на смертномъ одрѣ. Получается фактъ мученичества при отсутствіи какой либо вины погибшаго ребенка. Этого одного факта достаточно, чтобы вѣрующій своимъ сердцемъ призналъ Царевича Димитрія святымъ. Съ точки зрѣнія вѣрующаго онъ признается святымъ независимо отъ официальной канонизаціи, независимо подлинности государственныхъ актовъ и совершенно независимо отъ того, осталось ли тѣло нетлѣннымъ или подверглось тлѣнію. Полная невинность пострадавшаго мучительно дѣйствуетъ на совѣсть людей, и они ищутъ удовлетворенія. Не видя его на землѣ, люди создаютъ въ себѣ убѣжденіе—вѣру,—что Богъ возстановитъ справедливость и воздастъ мученику сторицею тамъ за то, что онъ здѣсь претерпѣлъ, а мученикъ съ своей стороны силою своею святости воздастъ за все зло добромъ и проявитъ кротость и всепрощеніе.

Но людская злоба не вполне удовлетворилась страданіями и кровью семилѣтняго отрока; они продолжали преслѣдовать его и по смерти, дерзнули сорвать съ него вѣнецъ мученичества, запятнать его клеймомъ самоубійства, сдѣлать опасною самую мощь его и, повидному, желали истребить изъ памяти людей самое имя его. На нѣкоторое время они действительно даже и успѣли все это сдѣлать. Замѣчательно, между прочимъ, то страшное обстоятельство, что ни лѣтописи, ни официальные документы не упоминаютъ совѣмъ о совершеніи торжественныхъ панихидъ и поминовеній по усопшемъ Царевичѣ; а одна изъ повѣстей о смутномъ времени прямо утверждаетъ, что Царевичъ Димитрій до обрѣтенія мощей его не былъ „нигдѣмъ помяновень или со славою възскаанъ страха ради убійцы (Годунова)“¹⁾.

Если защитники Бориса Годунова находятъ возможнымъ объять его отъ обвиненія въ преслѣдованіи царевича при жизни его, то едва-ли кто отважится защищать его отъ вины

¹⁾ С. Платоновъ. Древне русскія сказанія о смут. времени, стр. 44.

еще болѣе тяжелой—отъ жестокости и явнаго поруганія памяти и имени царственнаго мученика отрока.

Денно и ночью посадскіе люди стерегли тѣло царевича „чтобы кто его не украсть“, какъ заявилъ объ этомъ на допросъ Григорій Федоровичъ Нагой ¹⁾. Безвыходно при немъ была и сраженная горемъ несчастная мать; она такъ занемогла, что ея братья заподозрили, не испорчена ли она, вслѣдствіе чего одинъ изъ нихъ Афонасій Нагой въ тотъ же день посѣщилъ въ Ярославль, къ жившему тамъ Англичанину Горсею, съ которымъ онъ былъ знакомъ. Пріѣхавъ къ нему, онъ сообщилъ извѣстіе, что царевича зарѣзали дьяки, мать его испортили и просилъ для нея лѣкарства.

Вѣра въ возможность порчи и колдовства еще доселѣ крѣпко сидитъ въ простомъ народѣ. Подъ порчей простолудинъ понимаетъ всякую непонятную ему болѣзнь, напримеръ эпилепсію, пляску св. Вита, всевозможные параличи, истерическіе припадки и т. д. ²⁾. По народному повѣрью, порчу насылаютъ на людей колдуны, волхвы, кудесники, колдуньи и вѣдьмы; они могутъ наслать на людей моровое повѣтріе; вліять на урожай, приворожить каждаго человѣка и возбудить любовь или посѣять ненависть, не только между сосѣдями, но даже и внутри семьи. Такого суевѣрія въ XVI и XVII столѣтіяхъ твердо держались все классы русскаго общества ³⁾. О Борисѣ Годуновѣ въ лѣтописяхъ говорится, что онъ изъ многихъ городовъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ и съ ихъ помощью привлекалъ къ себѣ любовь царя. Волшебники предсказали Борису, что онъ будетъ царствовать, но не долго, только семь лѣтъ. О Шуйскомъ прямо говорится, что онъ сильно вѣрилъ чародѣйству. Онъ объявлялъ въ своихъ грамотахъ народу, что самозванецъ прельстилъ всѣхъ чародѣйствомъ. Было много вѣдуновъ и у Михаила Нагого, и главный изъ нихъ—Андрюшка Мочаловъ. Обвиненіе въ чародѣйствѣи всегда было хорошимъ средствомъ, чтобы избавиться отъ врага или причинить ему зло. ⁴⁾ Стоило донести, и шпо, оговоренное въ колдовствѣ, брали въ застѣнокъ. И Михаилъ Битяговскій, умирая кричалъ,

¹⁾ Слѣдственное дѣло, стр. 105.

²⁾ А. Лавенстимъ. Суевѣріе и уголовное право, стр. 29.

³⁾ Исторія Россіи С. М. Соловьева, т. VII, 489, 662—664.

⁴⁾ А. Лавенстимъ. Суевѣріе и уголовное право, стр. 53.

что „Михаило Нагой велить убити для того, что Михаило Нагой добываетъ вѣдуновъ и вѣдуны на государя и на государыню“ ¹⁾ т. е. чтобы испортить государя и государыню. Прослыть чародѣемъ, вѣдуномъ или колдуномъ было не трудно: достаточно имѣть тотъ или другой физическій недостатокъ на лицѣ или на другой части тѣла, чтобы народъ избѣгающій уродовъ, заподозрилъ человѣка въ связи съ дьяволомъ, который украсилъ своего адепта особою примѣтою. У Михаила Битяговскаго проживала „жоночка уродливая“ и она хаживала къ Андрею Александровичу Нагому и къ царицѣ „для потѣхи“. Два дня спустя послѣ убіенія царевича Димитрія, по приказанію царицы ее разыскали и убили,—это за то, что „будто эта женка царевича портילה“; ²⁾ болѣзненное его состояніе въ день смерти и ранѣе, вѣроятно, объяснено было царицѣ порчею этой несчастной уродливой женщины. Отсутствіе жалости въ отношеніи лицъ заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ, коренится не столько въ грубости и жестокости русскаго народа, сколько въ общераспространенномъ народномъ повѣртіи, что колдуны и вѣдьмы не чувствительны къ боли. ³⁾

Народъ совершилъ страшное отмщеніе убійцамъ, движимый чувствомъ ненависти къ ихъ злодѣянію и изъ любви къ погубленной имъ царской отрасли; но это отмщеніе было все же незаконно, какъ самодурство, самоуправство и потому не могло быть оправдано даже усердіемъ къ роду царскому. Мало того, своимъ неразуміемъ и неосмотрительностью угличане подали поводъ Борису приккрыть свое злодѣяніе позорнымъ для нихъ именовемъ „возмутителей“. Они поняли это, оцѣнили, притихли и съ безпокойствомъ ожидали распоряженія изъ Москвы, куда „къ царю Феодору послаша съ вѣстью, яко братъ его отъ рабъ убіенъ бысть: вѣстника же онаго на Москвѣ приведоша къ Борису Годунову. Борисъ же, взявъ отъ него подлинная писанія, повелѣ переписати, яко бы одержимъ былъ тяжкимъ недугомъ и заклалъ самъ себя небреженіемъ Нагихъ, и донесе опая писанія царю Феодору.“ ⁴⁾ Выслушавъ сообщеніе о смерти брата, царь Тео-

¹⁾ Слѣдственное дѣло стр. 188.

²⁾ Слѣдственное дѣло, стр. 107.

³⁾ Левенстимъ. Суевѣріе и уголовное право стр. 55.

⁴⁾ Новый лѣтописецъ по изд. кн. Оболенскаго, стр. 34, 35.

дурь „наказана о немъ збѣло по многи дни“, хотѣлъ самъ отпавиться въ Угличъ для изслѣдованія дѣла, но Борисъ Годуновъ подъ разными предлогами удерживалъ его и Феодоръ, наконецъ, сказали: „да будетъ воля Божья“ и всему повѣрили. 4) Для соблюденія высшняго вида правосудія требовалось изслѣдовать подробно все обстоятельства дѣла. Съ этою цѣлью царемъ, или вѣрнѣе Годуновымъ посланы были въ Угличъ князь Василій Шуйскій, окольный Андрей Клепкинъ и думный дьякъ Елизаръ Выдузинъ, занимавшій весьма важную должность въ правленіи государствомъ, а для совершенія пристойнаго погребенія назначенъ былъ Крутицкій Митрополитъ Геласій. Все эти лица были доброжелателями Годунова, не исключая и Шуйскаго. Шуйскій, правда, нѣсколько лѣтъ былъ въ опалѣ и ждалъ гибели отъ Годунова, а старшій братъ его, Андрей Шуйскій, уже погибъ по волѣ Бориса; но теперь хитрый правитель успѣлъ помириться съ Василіемъ и даже вступилъ съ нимъ въ родственныи союзъ, женивъ его меньшаго брата Димитрія на своей юной свояченицѣ и давъ ему санъ боярина. Шуйскій, человекъ хитрый и уклончивый, рассчиталъ, что если онъ поведетъ слѣдствіе такъ, что Борисъ будетъ имъ доволенъ, то ему за исходъ слѣдствія ничего худого не сдѣлають, потому что верховнымъ судьей будетъ тотъ же Борисъ, иначе-же себя онъ подвергнетъ впоследствии его мщенію. Шуйскій рѣшилъ вести слѣдствіе такъ, чтобы Борисъ былъ имъ вполне доволенъ.

Слѣдователи прибыли въ Угличъ замѣчательно скоро—въ среду къ вечеру 19 Мая. Отъ Углича до Москвы самую кратчайшею дорогою будетъ не менѣе 200 верстъ. Скорость правительственныхъ распоряженій и ихъ исполненіе достопримѣчательныя: она невольно заставляетъ думать, что смерть царевича въ Москвѣ не была странною неожиданностію.

Еще скорѣе прибылъ въ Угличъ Теминъ Залецкій, во вторникъ 18 Мая, лицо официальное, отъ котораго въ Угличѣ и узнали, кто назначенъ производить слѣдствіе и какое направленіе дано дѣло о смерти царевича Димитрія. Оказалось, что важность „угличскаго дѣла“ состоитъ не въ томъ, что умеръ царевичъ Димитрій, — онъ умеръ отъ воли Божіей.

4) Исторія Госуд. Росс. Н. М. Карамзина, т. X, стр. 81.

оставить самъ себѣ въ придачку падучей болѣзни,—а въ томъ, что, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, царьпачи и ея братья произвели въ городѣ бунтъ, во время котораго велѣли и побуждали убить невинныхъ, но вѣрныхъ царскихъ слугъ — Михаила Битяговскаго съ сыномъ, Волохова и прочихъ, что Нагіе, въ особенности Михайло завѣдомо „зликіе люди“ т. е. враги государя и государыни. Такъ какъ за убійствомъ Битяговскаго и другихъ со стороны Годунова могло послѣдовать строгое наказаніе, то Михайлъ Ѳеодоровичъ Нагой, какъ скоро узналъ объ этомъ, постарался добыть, по его мнѣнію, вѣскія данныя къ оправданію себя. Съ этою цѣлью онъ собралъ посадскихъ и изъ сель многихъ людей, „привелъ къ цѣлованію“ (къ присягѣ) городского приказчика Румна-Ракова „чтобы ему стоять съ нимъ за одинъ“ ¹⁾ и приказать ему собрать ножъ, самошаль, и палицу желѣзную, вымазавъ кровью нарочно зарѣзанной для этого курицы положить на тѣхъ людей, которые убиты: Михайлу Битяговскому—ножь, Никитѣ Качалову—ножь, Осену Волохову—палицу, Давидѣ Третьякову—саблю, чело-вѣчку М. Битяговскаго Ивану Кузмину—самошаль, другому чело-вѣчку Михаила Битяговскаго—Павлу—ножь, и Васили-енну чело-вѣчку Васильѣ—самошаль. ²⁾ Что означаютъ эти диверсіи надъ убитыми? По приказаніямъ Григорія Ѳеодоровича Нагого и приказчика Румна-Ракова это сдѣлано было для того, чтобы доказать, „что будто тѣ люди царевича Дмитрія зарѣзали“, ³⁾ т. е. вотъ, молъ, улики ихъ причастности къ убійству.

Въ простомъ народѣ и доселѣ еще держится суевѣріе, въ XVI—XVII столѣтіяхъ бывшее во всей силѣ, что при убійствѣ самосудомъ лица, ненавистнаго для общества: конокрада, вора, буяна и др.,—достаточно положить на убитаго или вложить ему въ руки ножъ, ломъ, вообще то или другое орудіе нападенія, чтобы въ случаѣ обнаруженія убійцы оправдаться тѣмъ, что убійство совершено въ состояніи необходимой обороны. И Михаилу Ѳеодоровичу Нагому нужно было убійство М. Битяговскаго и другихъ лицъ убитыхъ съ

1) Слѣдственное дѣло, стр. 103.

2) *ibid.*, стр. 122.

3) *ibid.*, стр. 105.

нимъ выставить необходимымъ фактомъ, т. е. показать, что М. Битяговскій и другіе убитые съ нимъ—опасные преступники и убиты они не изъ мести за убіеніе царевича Дмитрія, а потому, что сами нападали на приверженцевъ и родственниковъ царевича и его матери и что, такимъ образомъ, убійство совершено при отраженіи ихъ нападенія, т. е. въ состояніи необходимой обороны, а потому и положенныя на нихъ орудія были окровавлены. Въ розыскъ пожеи и палицы вмѣстѣ съ Раковымъ участвовалъ и соборный священникъ Стефанъ,—значить и онъ былъ не чуждъ суевѣрія. Таковое суевѣріе сохранилось въ народѣ и до настоящаго времени. Въ практикѣ судебного слѣдователя II участка Нижегородскаго уѣзда за послѣднее время былъ такой случай: крестьяне одной деревни Нижегородской губерніи самосудомъ убили одного негодяя и въ руки убитому положили по пожу. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, что если убійцы обнаружатся, то могутъ оправдаться тѣмъ, что убійство совершено въ состояніи необходимой обороны.

Московскіе слѣдователи, прибывъ въ Угличъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ Геласіемъ, прямо отправились въ Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ начали осматривать блаженное тѣло ⁶⁾ и на окровавленномъ тѣлѣ ножъ убійцы. Злосчастная мать, родные царевича и всѣ добрые граждане горько плакали надъ бездыханнымъ младенцемъ. Шуйскій съ изъясненіемъ сожалѣнія приступилъ къ гробу, чтобы видѣть лицо мертваго и осмотрѣть язву; но Клешиницъ, увидѣвъ ангельское лицо убитаго, кровь и ножъ, „помяну согрѣшеніе свое плакася зѣло и не можаше глаголати ничесоже, но яко нѣмъ пребы на многіе время“: онъ еще имѣлъ совѣсть. Глубокая рана, зіявшая на гортани царевича, ясно свидѣтельствовала, что нанесена она не случайно и не слабою младенческою рукою, но твердою рукою сильнаго убійцы и съ преднамѣреннымъ злымъ умысломъ. Сомнѣнія въ убійствѣ быть не могло, обманывать народъ, собравшійся на поклоненіе тѣлу страстотерпца даже изъ дальнихъ селеній, было трудно, невозможно: и потому тѣло младенца, явно

1) Нов. лѣтоп., стр. 35

2) *ibid.*, стр. 35.

3) *ibid.*, стр. 35.

обличающее убійць, рѣшили предать землѣ. Въ субботу, 22 мая, въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ Митрополитъ Геласій совершилъ отпѣваніе и со всѣми подобающими царевичу почестями предаль его тѣло погребенію въ этомъ же храмѣ, который еще въ удѣльное время служилъ усыпальницей для нѣкоторыхъ Угличскихъ князей.

Собравъ духовенство и гражданъ, Шуйскій спросилъ у нихъ: „какимъ образомъ Дмитрій отъ небреженія Нагихъ заколотъ самъ себя?“ Вопросъ предложенъ довольно запутанно и, конечно, для того, чтобы допрашиваемые спутались въ отвѣтъ: но всѣ единодушно отвѣтили: „Царевичъ убиенъ своими рабами Миханломъ Битяговскимъ съ клеветами по волѣ Бориса Годунова“. Шуйскій далѣе не захотѣлъ слушать такихъ рѣчей, потому что дѣло началось вовсе не согласно съ его видами и съ предназначенными цѣлями. Такъ продолжать слѣдствіе было нельзя, потому что въ сущности оно кончилось на этомъ единогласномъ показаніи, и слѣдователи за благо разсудили отправиться за Волгу изъ Угличскаго кремля, гдѣ лежали жертвы событія и былъ возбужденный народъ. За волгой были тогда и хозяйственный дворъ и лѣтнія княжескія хоромы,—мѣста очень удобныя и для временнаго помѣщенія, и для спокойнаго обдумыванія своего положенія, и предначертанія плана слѣдствія въ желаемомъ направленіи. Только на слѣдующій день они начали производить слѣдствіе: призывали людей въ одиночку, спрашивали, кого хотѣли, записывали тоже, что хотѣли, такъ какъ по судебному порядку того времени, устно данныя показанія писали дьяки, при чемъ допрошенные не присутствовали и записанное показаніе имъ не прочитывалось. Въ судебникѣ Іоанна Грознаго ст. 29 сказано: „А которыя дѣла судяты бояре, и тотъ судъ велѣти діакотмъ записывати передъ собою, а *истцомъ у записки не стояти*. А будетъ надо быть на которое дѣло истцы или отвѣтчики вопросити, *ино его къ себѣ позвати* да вопросивъ его *отъ записки отослати*, а пока дѣло ихъ діакъ запишетъ, и *того дѣла предъ истцы не чести*, а прочести его предъ бояромъ ¹⁾).

¹⁾ Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права Кіевъ 1846 г. стр 125.

Первый подвергся допросу слѣдователей дядя царевича Дмитрія Михайль Θεодоровичъ Нагой. Князь Василій Шуйскій, Андрей Клепшникъ и Елизаръ Вылузгинъ спрашивали: „Которымъ обычаемъ царевича Дмитрія не стало и что его болѣзнь была?“ ¹⁾

Первый вопросъ вполне ясенъ; которымъ обычаемъ—какимъ образомъ царевичъ умеръ? Второй вопросъ: „и что болѣзнь была?“ Да развѣ знаютъ только что пріѣхавшіе, что царевичъ умеръ въ припадкѣ падучей болѣзни? и откуда могли они это знать, когда только что пріѣхали въ Угличъ? Является вполне основательно подозрѣніе, что слѣдователи еще раньше допросовъ вошли кое съ кѣмъ въ сношенія, можетъ быть, заранѣе кое съ кѣмъ условились. Отчего же они всего этого не включили въ свой протоколъ? между тѣмъ этотъ вопросъ „и что его болѣзнь была?“ давалъ ясное указаніе, какъ долженъ былъ отвѣчать свидѣтель. И несомнѣнно, этотъ именно вопросъ наводитъ свидѣтеля на отвѣтъ, что царевичъ игралъ въ тычку ножемъ, съ нимъ случилася падучая болѣзнь, онъ упалъ на ножъ и закололся. Оказывается, что о случайной смерти царевича показываютъ все единогласно, даже стереотипно, но никто изъ этихъ свидѣтелей не былъ очевидцемъ факта. Григорій Θεодоровичъ Нагой—былъ у себя дома и прибѣжалъ по набату; Андрей Александровичъ Нагой обѣдалъ у себя дома и прибѣжалъ по набату; пономарь Огурецъ—былъ дома и даже не ходилъ на дворъ царицы, звонилъ въ набатъ по чьему то приказанію; Давидъ, игуменъ Покровскаго монастыря—былъ въ своемъ монастырѣ, за Волгой, пріѣхалъ въ городъ по набату; сотники прибѣжали по набату; истопники были внутри дома царицы—прибѣжали по набату; ключникъ Тулубѣвъ былъ въ своемъ домѣ, прибѣжалъ по набату; стряпчій Юдинъ—былъ внутри дома царицы, у поставца; конюхи—были въ конюшнѣ, прибѣжали, когда уже все кончилось; стряпчій Θεодоръ былъ въ городѣ; подъячіе были внѣ царскаго двора: повара были на кухнѣ, стряпали, прибѣжали; горожане—были за городомъ, прибѣжали по набату. И все эти, здѣсь перечисленные лица, *ничего сами не видѣвшія* и между тѣмъ *единогласно разсказывающія о невидѣнномъ* ими фактѣ, съ ихъ стереотипными, дословно сход-

¹⁾ Слѣдственное дѣло, стр. 103.

ными показаніями, признаны достовѣрными свидѣтелями. Слѣдователи по большей части не трудятся даже узнать, откуда свидѣтель знаетъ, что фактъ совершился именно въ такомъ видѣ. Впрочемъ сами свидѣтели даютъ иногда такія показанія, и вотъ тутъ возбуждается новое сомнѣніе. Прибѣжали по набату изъ-за Волги горожане на царскій дворъ, видятъ: толпа бьетъ Битяговскихъ. У этой толпы прибѣжавшіе горожане спрашиваютъ, что случилось, и бывшая толпа отвѣчаетъ: царевичъ игралъ въ тычку ножемъ, съ нимъ случилась падучая болѣзнь, онъ упалъ на ножъ и закололся. Спрашивается: за что же толпа била Битяговскихъ? Вѣдь, если только била, то значить думала (хотя бы и невѣрно), что царевичъ зарѣзанъ Битяговскими, и не могла отвѣчать прибѣжавшимъ горожанамъ, что царевичъ закололся самъ. Видимо показаніе горожанъ тутъ измѣнено. Слѣдователи въ иныхъ случаяхъ не задаются вопросомъ совсѣмъ, гдѣ былъ свидѣтель. Угличскій избной староста Иванъ Мурановъ даетъ подробное показаніе: царевичъ упалъ, падучая его долго била, и въ это время онъ накололся ножомъ. А гдѣ былъ свидѣтель? Самъ онъ все это видѣлъ? Но свидѣтельскими показаніями установлено, что при царевичѣ были только дѣти, мамка кормилица и постельница. Отчего слѣдователи не остановили тотчасъ этого рассказчика и не сказали ему, что онъ ничего не можетъ знать, ибо ничего не видѣлъ? Полнѣйшая несоответственность нѣкоторыхъ показаній не обратила на себя вниманіе слѣдователей. Григорій Θεодоровичъ Нагой показываетъ, что по набату онъ прискакалъ на дворъ царицы и видитъ: лежитъ царевичъ, „набрушился“ на ножъ въ падучей болѣзни. Не говоря уже о томъ, что вполне неестественно, чтобы упавшаго въ принадлежъ съ ножомъ ребенка оставили лежать на ножѣ, пока пріѣхалъ Григорій Θεодоровичъ Нагой, но мы имѣемъ, кромѣ этого, показаніе кормилицы, что она сейчасъ же схватила ребенка и взяла къ себѣ на колѣни. Слѣдовательно, прискакавшій Нагой не могъ видѣть, какъ упалъ ребенокъ и какъ все раньше было. Андрей Нагой выдалъ себя и слѣдователей. Онъ прибѣжалъ по набату, стало быть, самъ ничего не видѣлъ. Вотъ его показаніе ¹⁾. „Царевичъ

¹⁾ Слѣдственное дѣло, стр. 108.

ходилъ на заднемъ дворѣ и тѣшился съ ребятами, игралъ чрезъ черту ножемъ...; когда Андрей Александровичъ прибѣжалъ, то увидѣлъ: „царевичъ лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ, а что сказываютъ, что его зарѣзали, а онъ того не видалъ, кто его рѣзалъ, а у царевича была падучая болѣзнь“. Какъ ясно запутался свидѣтель. Онъ самъ ничего не видѣлъ. На первый вопросъ: „какимъ образомъ царевичъ умеръ?“ Андрей Александровичъ отвѣчаетъ то, что знаетъ; слышалъ, что зарѣзали. Но слѣдователи одновременно поставили и другой вопросъ: „а что его болѣзнь?“ И бѣдный Андрей Александровичъ началъ говорить о тычкѣ, ножѣ и падучей, противорѣча только что имъ сказанному. Чувствуешь ясно,—говоритъ П. В. Голубовскій ¹⁾,—какъ чужая воля гнететъ свидѣтеля и заставляютъ его говорить то, что хочется слѣдователю. Отчего ему не дана очная ставка съ тѣми, кто ему говорилъ?

Несчастный пономарь дворцовой церкви, по прозванію Огурецъ, избѣгая бѣды, совсѣмъ запутался въ показаніяхъ. По его словамъ соборный сторожъ Кузнецовъ первой началъ звонить, его же, пономаря, заставилъ звонить стряпчій двора, Протопоповъ, и ударилъ въ шею, сказавъ, что приказала звонить царица и что это приказало при Григоріи Ѳедоровичѣ Нагой. Нагой показалъ, что Протопоповъ при немъ не далъ приказанія, и самъ пономарь говорилъ ему о приказѣ Протопопова и о томъ, что прибѣгалъ къ нему, пономарю, Михайло Битяговскій и онъ заперся, на колокольню его не пустилъ. Протопоповъ показалъ, что Михайло Ѳедоровичъ Нагой, пріѣхавъ на дворъ, приказалъ ему звонить въ колокола, а онъ приказалъ пономарю. Но Нагой повторили, что они сами прибѣжали на звонъ колокола. И это вполне несомнѣнно. Къ тому же, если по словамъ пономаря, звонъ уже происходилъ,—уже звонилъ сторожъ Кузнецовъ—это самый достовѣрный и важнѣйшій свидѣтель убійства,—то не для чего было Протопопову толкать пономаря въ шею и заставлять звонить. Слѣдователи, не обративъ вниманіе на путаницу въ показаніяхъ, не потребовали даже Кузнецова къ отвѣтамъ; да и неизвѣстно, куда онъ дѣвался. Не-

¹⁾ Историческій Вѣстникъ. Декабрь 1896 г. Вопросъ о смерти царевича Дамітрія, стр. 870.

сомнѣнно, что пономарь самъ видѣлъ убійство и поспѣшилъ ударить въ колоколь. Вообще показанія, въ которыхъ говорится объ убійствѣ, совершенно затушевываются. Михайло Ѳеодоровичъ Нагой показалъ прямо, что онъ прискакалъ по набату и нашель царевича зарѣзаннымъ. Отчего слѣдователи не задали ему вопроса: откуда именно онъ знаетъ, что царевичъ зарѣзанъ, когда свидѣтель въ моментъ факта былъ у себя дома? А вотъ разсказъ предъ слѣдователями Ѳеодота, архимандрита Воскресенскаго монастыря: служилъ онъ обѣдню въ Алексѣевскомъ монастырѣ, послѣ обѣдни вдругъ зазвонили въ набатъ у Спаса; тогда они съ игуменомъ послали монастырскихъ слугъ узнать, не горитъ ли городъ; слуги возвратились и сказали, что слышали отъ людей, что царевича зарѣзали, а кто, неизвѣстно. Почему не были допрошены эти монастырскіе служки? Еще важнѣе на нашъ взглядъ показаніе самого игумена Алексѣевского монастыря, Савватія ¹⁾. Вначалѣ онъ повторяетъ сказанное прежнимъ свидѣтелемъ, затѣмъ продолжаетъ: когда монастырскіе служки прибѣжали и принесли извѣстіе, что царевичъ зарѣзанъ, вскорѣ явился отъ царицы кутейникъ Богданъ и позвалъ игумена къ царицѣ; игумень вмѣстѣ съ Архимандритомъ поѣхали; вошелъ игумень въ церковь Спаса и видитъ: „ажно Царевичъ лежитъ во Спасе зарѣзанъ“. Игумень не говоритъ, что слышалъ, а видѣлъ. На основаніи чего такъ говоритъ игумень? Какая черта, какой признакъ, заставили его признать ребенка зарѣзаннымъ, а не наколовшимся на ножъ? Мы именно думаемъ, говоритъ П. В. Голубовскій ²⁾, что тутъ лежитъ одна подробность, съ которой въ наше время слѣдователи и начали бы свое дѣло: рана была не колотая, а рѣзаная и притомъ рѣзаная такъ, что это было ясно замѣтно.

Въ слѣдственномъ дѣлѣ есть показанія очевидцевъ. Но собственно говоря, слѣдователи не должны класть ихъ во главу угла: это показаніе лицъ, которыя являются отвѣтственными въ этомъ дѣлѣ; это мамка Волохова, кормилица Ирина Ждакова и постельница Марія Самойлова. Спрашивается: когда онѣ все три болѣе подверглись бы отвѣтствен-

¹⁾ Ibid. Стр. 110.

²⁾ Вопросъ о смерти царевича Димитрія стр. 867.

ности, когда было бы установлено, что царевича на ихъ глазахъ убили, да еще при указаніи, что одинъ изъ убійцъ сынъ мамки Осипъ Волоховъ, или когда было бы установлено, что царевичъ случайно въ припадкѣ падучей закололся? Думается, что въ первомъ случаѣ, и показанія этихъ женщинъ вполнѣ естественно стремятся установить второй случай. Сомнѣнія, возбуждаемыя всѣмъ ходомъ слѣдствія, усиливаютъ наше недоумѣніе и къ показаніямъ этихъ трехъ свидѣтельницъ (собственно виновныхъ). Показанія кормилицы и постельницы кратки и стереотипны: игра въ тычку, припадки падучей, накололся на ножъ. Показаніе мамки Волоховой обширно, велерѣчиво ¹⁾. Она говоритъ злобно, жалуется на царицу. Рассказываетъ она, что царевичъ еще въ среду разболѣлся падучей; въ пятницу ему стало полегче, и мать взяла его съ собой къ обѣднѣ; возвратившись, велѣла ему поиграть на дворѣ; въ субботу было то же, когда царевичъ остался на дворѣ, съ нимъ была она, Волохова, кормилица Ирина, да жильцы, да постельница Марья Самойлова, а игралъ царевичъ ножикомъ, а тутъ на царевича пришла та же черная болѣзнь, и бросило его на землю, и тутъ царевичъ самъ себя покололъ ножемъ, и било его долго, да тутъ его и не стало. Царица сбѣжала сверху и начала бить ее, Волохову Василису, и приговаривать, что сынъ ее, Василису, да Никитка Качаловъ, да Данилка Битяговскій зарѣзали царевича. И Григорій Нагой тоже сталъ ее бить. Она, Волохова, стала кричать, чтобы царица судомъ сыскала, чтобы ей и ея сыну оправдаться. И тутъ сбѣжался народъ. И стали ее бить, и опростоволосили, и одежду все порвали и т. д. Показанію Волоховой, какъ обвиняемой, нельзя было придавать значенія. Но кромѣ того, это показаніе выставляетъ фактъ въ неестественномъ видѣ. Съ ребенкомъ случилось несчастіе; очевидно на крикъ выбѣжала мать; мальчикъ бьется въ судорогахъ, какъ говоритъ сама Волохова; бросится ли мать къ своему умирающему ребенку и, бросившись, покинетъ ли она его въ минуту предсмертныхъ страданій, или мать станетъ колотить и ругать мамку, когда ее ребенокъ умираетъ? Мало этого. Отчего это царица, бывшая во дворцѣ, прибѣжавшая, когда уже несчастіе прои-

¹⁾ Слѣдственное дѣло стр. 106 и 107.

зошло, отчего это она сразу набросилась на мамку, а не на кормилицу, не на постельницу? Отчего у нея не явилась вполне естественная мысль, что кто нибудь изъ дѣтей въ игрѣ нечаянно закололъ царевича; отчего это она узнала, что именно Осипъ Волоховъ, Данилка Битяговскій и Никитка Качаловъ убили ребенка, а не кто-нибудь другой: отчего она назвала тотчасъ же, прибѣжавши, эти имена; только эти, какъ говорить и сама Волохова? Не является ли изъ этихъ соображеній сама собой простая мысль: мать, сбѣжавши, сверху по первому крику, увидѣла что-то, застала какую-то картину, которая отъ насъ скрыта? Отчего слѣдователи не дали намъ ни одного слова самой царицы Маріи? А послѣ показанія мамки они должны были спросить разъясненія именно у матери. Но слѣдователи этого сдѣлать не заблагоразсудили. Но за то слѣдователи усердствуютъ надъ другимъ. Битяговскіе были перебиты. Весьма возможно, что Нагіе первые со словъ царицы указали на Битяговскихъ, какъ на убійцъ. Важный ли это, собственно говоря, фактъ въ сравненіи съ главнымъ, вопіющимъ фактомъ? Сначала необходимо было позаботится о болѣе тщательномъ изслѣдованіи дѣла о смерти царевича, ибо и самый фактъ избіенія Битяговскихъ долженъ былъ оцѣниваться уже потомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ результатовъ, добытыхъ слѣдствіемъ по вопросу о смерти ребенка. Слѣдователи смотрятъ иначе. Мы не можемъ признать, чтобы слѣдствіе собственно о смерти царевича было произведено тщательно. Масса свидѣтелей (качества ихъ мы видѣли) даютъ по два слова, стереотипныхъ, о падучей болѣзни, о тычкѣ, но зато широко распространяются о поджиганіи Нагими народа и о смерти Битяговскихъ. Объемъ слѣдствія увеличивается и увеличивается, и въ этомъ хаосѣ все болѣе и болѣе туманятся показанія собственно о смерти царевича, получается нѣчто хаотическое, облачное, въ которомъ проскальзываютъ: тычка, падучая, тычка, падучая. Но думается, что если ребенку давали для игры ножъ, то, конечно, давали самый тупой, при игрѣ въ тычку онъ долженъ былъ держать его за острый конецъ, и въ случаѣ припадка падучей болѣзни, сжалъ бы его въ рукахъ: ибо таково обыкновенное дѣйствіе конвульсивнаго припадка, что пораженный имъ сжимаетъ то, что у него въ рукахъ, или хватается за что либо самымъ

сильнымъ образомъ. Ребенокъ могъ обрѣзать ладонь руки, а не горло, а между тѣмъ этого не замѣтили. Припадки падучей болѣзни, хотя бываютъ и совершенно неожиданно, но съ первой минуты они не сопровождаются очень сильными конвульсивными движеніями и когда бываютъ въ присутствіи кого либо, больной можетъ быть сохраненъ отъ всякой опасности; трудно повѣрить что царевичъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни, потому что больныхъ дѣтей во всякомъ хорошемъ семействѣ въ случаѣ болѣзни держать съ особенною осторожностью.

Есть факты, заставляющіе сомнѣваться въ томъ, игралъ ли царевичъ въ тычку, говоритъ П. В. Голубовскій ¹⁾ въ своемъ изслѣдованіи о царевичѣ Димитріи. Едва ли въ рукахъ царевича въ моментъ смерти былъ ножъ. Въ одномъ изъ историческихъ сказаній излагается, что предъ тѣмъ, какъ идти на дворъ, царевичу дали орѣховъ. Не всѣмъ извѣстіямъ этихъ сказаній можно довѣрить, но нѣкоторыя изъ нихъ должны быть безусловно нами приняты. А что это показаніе вѣрно, въ подтвержденіе этого мы имѣемъ: 1) одно показаніе несомнѣнно добросовѣстнаго очевидца, 2) показаніе другого лица, которое можно разсматривать какъ очевидца и 3) показаніе очевидца, стоявшаго въ такомъ положеніи къ факту, когда невозможно, по нашему мнѣнію, какое искаженіе. Эти три свидѣтельства вполне самостоятельны, а потому еще сильнѣе подтверждаютъ другъ друга. До насъ дошелъ современникъ дѣяка Ивана Тимофеева. Повѣствованіе его отличается большою витіаватостью, но въ большинствѣ случаевъ онъ говоритъ какъ очевидецъ. По официальнымъ даннымъ, касающимся біографіи Ивана Тимофеева, оказывается, что во время перенесенія мощей царевича Димитрія, онъ былъ именно въ Москвѣ. Тимофеевъ рассказываетъ, что среди массы народа, встрѣчавшей мощи, былъ и онъ. Ему удалось протолкаться къ самому гробу. Увидѣлъ онъ, что на царевичѣ сохранилась одежда: верхняя рубашка съ пояскомъ, нижняя бѣлая рубашка, на ногахъ башмачки—они были немного красноваты; и тутъ же были и *орѣшки запачканныя кровью*. „Что было у Царевича на головѣ, я, говоритъ Тимофеевъ, не могъ хорошо разсмо-

¹⁾ Историческій Вѣстникъ. Декабрь. стр. 871.

трѣтъ“¹⁾. Добросовѣстный свидѣтель не передаетъ, что могъ слышать, а только то, что ясно разглядѣлъ. Другое лицо мы назвали почти очевидцемъ. Это голландскій резидентъ Исаакъ Масса, человекъ весьма образованный, умѣвшій собирать нужныя для него свѣдѣнія и для этого бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ съ многими боярами. Онъ былъ въ Москвѣ около восьми лѣтъ, въ концѣ царствованія Бориса и почти во все правленіе Шуйскаго. Онъ рассказываетъ, что царевичъ и его товарищи играли въ орѣхи, когда неожиданно явились убійцы. Во время перенесенія мощей, Масса былъ въ Москвѣ и, какъ онъ выражается, побѣждалъ смотрѣть на торжественную процессію. Какъ лютеранинъ, его въ церковь не пустили, но, несомнѣнно, по своей всегдашней точности, Масса распросилъ потомъ своихъ знакомыхъ русскихъ, кто и что видѣлъ, и оставилъ свой рассказъ объ игрѣ въ орѣхи безъ поправки, или лучше самый этотъ фактъ занесенъ Массой въ записки на основаніи того, что онъ слышалъ отъ видѣвшихъ мощи царевича. Наконецъ мы переходимъ къ третьему свидѣтелю. Сохранилось одно литературное произведеніе, при чтеніи котораго становится неопровержимо яснымъ, что авторъ его есть лицо духовное и что оно было участникомъ въ перенесеніи мощей. Этотъ очевидецъ, въ показаніи котораго мы не имѣемъ права заподозрить какую нибудь подтѣлку, рассказываетъ, что когда былъ вынутъ гробъ и открытъ, то оказалось, что въ правой рукѣ у царевича—шитый золотомъ платокъ, а въ другой рукѣ—зажатые орѣшки. Вложилъ ихъ кто нибудь ему въ руку въ моментъ смерти? Но кому могли прійти въ голову въ моментъ смятенія какія либо соображенія о подтѣлкѣ факта? Царевичъ былъ погребенъ просто, безъ всякихъ церемоній, въ томъ, въ чемъ онъ былъ и какъ онъ былъ въ моментъ смерти. Если бы Нагіе обратили вниманіе на этотъ, повидимому, мелкій фактъ—платокъ и орѣшки въ рукахъ ребенка, то они воспользовались бы имъ въ своихъ показаніяхъ для доказательства, что ребенокъ въ моментъ смерти въ тычку не игралъ. Наоборотъ, если бы Нагіе или сама царица Марія

¹⁾ Шапочка царевича суковная съ жемчугомъ и камешьями—въ Архангельскомъ соборѣ. Филаретъ, Архiep. Черниговскій. Житія Святыхъ, Май, стр. 425.

вложила эти предметы въ руки Димитрія на виду всѣхъ, то и мамка Волохова, и слѣдователи не замедлили бы указать на это, какъ на средство возбудить народъ, какъ на стараніе исказить событіе. Очевидно этого обстоятельства—платка и орѣшковъ—въ рукахъ ребенка никто не замѣтилъ: такъ подняли ребенка съ земли, такъ отнесли въ церковь, такъ и похоронили съ этими предметами, удержавшимися въ ручкахъ въ силу предсмертной судороги, конвульсивнаго сжатія пальцевъ. Итакъ въ моментъ смерти ребенка въ одной ручкѣ (въ правой) у него былъ платокъ, а въ другой (въ лѣвой) горсточка орѣховъ. А въ какой же рукѣ былъ ножъ? Ни въ какой. А игра въ тычку? Ея не было. Съ такимъ заключеніемъ нельзя не согласится: лѣтописи, повѣсти и житія согласно утверждаютъ, что царевичъ былъ убитъ тотчасъ, какъ вступилъ во дворъ.

Показавшій при производствѣ слѣдствія, что царевичъ зарѣзанъ, Андрей Александровичъ Нагой остался вѣрнымъ своему слову до конца дней своей жизни. Въ составленномъ имъ въ 1617 г. духовномъ завѣщаніи ¹⁾ онъ говоритъ, что „животы его взяли въ опалѣ на государя, *какъ царевича Димитрія убили*“, т. е. повторяетъ въ духовной по существу то же самое, что показалъ онъ при производствѣ слѣдствія, употребляя только болѣе общее выраженіе „убили“, которое одинаково можно отнести почти ко всѣмъ родамъ насильственной смерти. Конечно, въ 1617 году ничто уже не мѣшало А. А. Нагому сказать, что царевичъ Димитрій накололся самъ 15 мая 1591 года, если бы это было такъ; отъ какого показанія не пострадали бы ни святость невиннаго младенца, ни прочность новозбраннаго царя на престолѣ. Разъ онъ солгалъ во время слѣдствія, то, помышляя о другой жизни, въ духовномъ завѣщаніи онъ могъ бы исправить свою вину, свой проступокъ. Однако и здѣсь онъ подтверждаетъ свое первое показаніе.

Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что младенецъ умеръ *не отъ своей руки*; а потому показаніе всѣхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ лицъ, что онъ накололся, мы должны считать фальшивымъ и пристрастнымъ. Такое заключеніе по-

¹⁾ Напечатано И. С. Вѣляевымъ. Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, стр. 29.

лучается и изъ дѣла при внимательномъ разсмотрѣннн. Если изъ двухъ родныхъ братьевъ Михаила и Григорія Θεодоровичей Нагихъ, видѣвшихъ въ одно время смерть младенца, лицъ высокопоставленныхъ, нѣкогда приближенныхъ къ „Двору“, сумѣли отъ одного добиться показанія совершенно противорѣчащаго другому, или подтасовать допросы, какъ угодно, то конечно, слѣдователямъ гораздо меньшаго труда стоило отобрать, а вѣрнѣе подобрать подобныя показанія отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Можно бы было сказать, что слѣдствие ведено по меньшей мѣрѣ не умѣло, если бы не было извѣстно, что слѣдственное дѣло объ убненин царевича Димитрія „было перебито, спутано и даже въ свое время подтасовано“, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ И. С. Бѣляевъ, просматривавшнй подлинное слѣдственное дѣло ¹⁾).

Д. Лавровъ.

(Продолженне слѣдуетъ).

¹⁾ Стр. 15.